

В. Г. ОРЛОВА

ТИПЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ АФФРИКАТ КАК РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

1

Важнейшие различия между говорами русского языка были в основном установлены уже к началу XX в. в результате широкого изучения диалектных данных при подготовке «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе»¹. Следующий период, на протяжении которого были собраны наиболее значительные диалектологические материалы, связан с развертыванием работы по изучению говоров методами лингвистической географии, именно — с подготовкой диалектологических атласов русского языка. Помимо материалов, представленных в диалектологических монографиях этого периода, за последнее время собраны по единой «Программе» данные о говорах более чем по 3500 населенным пунктам, позволяющие также уточнить общую характеристику диалектных различий русского языка как относящихся (кроме различий лексического порядка) преимущественно к фонетической стороне. В случае, когда те или иные различия характеризуют определенные группы форм и как бы относятся к области морфологии, они по существу связаны лишь с разным звучанием тех или иных формативов и принадлежат тем самым к числу фонетических явлений, приобретших в ходе своего развития морфологизованный характер.

В период подготовки диалектологических атласов значительно расширились также и наши сведения о самом составе диалектных различий; о многих из них достаточно полные сведения были получены впервые².

На протяжении последнего десятилетия, имеющего большое значение в развитии диалектологии русского языка, наши знания, естественно, развивались более вширь, чем вглубь, что связано с выполнением задач лингвистической географии, предполагающей преимущественно экстенсивное изучение диалектных различий языка в их территориальном распространении.

Созданные в прошлом работы, посвященные углубленному изучению внутренних закономерностей того или иного явления в его разновидностях, характерных для различных говоров русского языка, относятся преимущественно к первой четверти XX в. и основаны на материалах, собранных главным образом при подготовке «Опыта диалектологической карты». Таковы, например: работа Л. Л. Васильева, дающая представление об употреблении *ѡ* и *ѡѡ* по говорам; посвященное звуку *ъ* и построенное на основе широкого использования диалектных данных в сочетании с показаниями памятников письменности исследование В. В. Виноградова;

¹ Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков, Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, М., 1915.

² См., например: Р. И. Аванесов, Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей, ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 2.

работа Н. Н. Дурново, представляющая классификацию типов яканья, работа И. Г. Голанова о диссимилятивном яканье, Д. К. Зеленина об ассимилятивном смягчении заднеязычных; труды С. П. Обнорского, особенно посвященные морфологическим различиям русского языка¹.

Причина того, что материалы, собиравшиеся при подготовке диалектологических атласов, еще не подвергались в достаточной степени обобщению с целью создания работ подобного типа, заключается не только в том, что эти материалы весьма значительны по объему, в связи с чем возникает ряд трудностей при их обобщении, но и в том, что на протяжении последнего десятилетия в центре внимания находилась разработка целого ряда общих вопросов, имеющих принципиальное значение при построении диалектологических исследований разного типа. Особенно интенсивно разрабатывались вопросы, связанные с определением основных принципов советской лингвистической географии. Однако в связи с тем, что изучение материала при подготовке его к картографированию не противопоставляется с точки зрения наших диалектологов его монографическому изучению, за указанный период оформлялся также ряд общих требований к монографическому изучению системы отдельных говоров или отдельных языковых явлений, изучаемых на материале разных говоров и имеющих по говорам различные соответствия.

Так, можно считать вполне определенным принцип, согласно которому при изучении любого диалектного явления (как с целью его описания, так и при изучении его истории) должна быть в полной мере выяснена сфера его распространения в системе говора и закономерности такого распространения. Это достигается (по отношению к фонетическому явлению) путем исчерпывающего изучения всех возможных случаев и позиций, в которых данное явление могло бы быть представлено. На основе подобного изучения определяется характер явления как последовательно представленного во всех возможных случаях или, наоборот, ограниченного в своем распространении известным кругом фонетических позиций, морфологических категорий или определенным кругом лексики.

Весьма важным при изучении фонетических явлений оказывается также выявление тех своеобразных отношений и чередований в системе языка, которые установились между теми или иными звуками. Выполнение этого требования достижимо лишь в результате анализа значительного количества фактов употребления тех или иных элементов фонетической системы в процессе общения. При этом нередко выясняется, что отдельные говоры различаются не только наличием или отсутствием определенных единиц в системах отдельных говоров, не только по характеру их распространения в этих системах или по характеру представленных чередований, но

¹ См.: Н. Дурново, Диалектологические разыскания в области великорусских говоров, ч. I — Южновеликорусское наречие: вып. 1 — «Труды Моск. диалектол. комиссии», вып. 6, 1917; вып. 2 — там же, вып. 7, 1917 [обл.: 1918]; В. В. Виноградов, Исследования в области фонетики севернорусского наречия, вып. 1 — Очерки из истории звука *б* в севернорусском наречии, ИОРЯС, т. XXIV: кн. 1 — 1922, кн. 2 — 1923; С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, Л.: вып. 1—1927, вып. 2 — 1931; его же, Очерки по морфологии русского глагола, М., 1953; И. Г. Голанов, О диссимилятивном яканье, «Труды Моск. диалектол. комиссии», вып. 3, Варшава, 1914; его же, Несколько новых данных к вопросу о географическом распространении диссимилятивного яканья, Сб. ОРЯС, т. CI, № 3, 1928; Д. К. Зеленин, Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации, СПб., 1913; Л. Л. Васильев, О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI — XVII веков. К вопросу о произношении звука *к* в великорусском наречии («Сб. по русскому языку и словесности [АН СССР]», т. I, вып. 2), Л., 1929.

и по типу фонологических отношений, установившихся для этих единиц при их использовании.

Указанные требования к изучению диалектных явлений в описательном плане в равной мере выполняются как при монографическом изучении явления, так и при подготовке материала по тем или иным явлениям к картографированию в диалектологических атласах. При определении типа той или иной карты и системы построения знаков выясняют и характер явления со стороны его положения в системе языка. В свою очередь изучение какого-либо явления в отношении его территориального распространения, т. е. методами лингвистической географии, все чаще становится необходимым приемом исследования материала при его монографическом изучении. Характер территориального распространения, наличие каких-либо изоглосс имеют большое значение как при рассмотрении вопросов исторического характера, так и при разрешении вопросов, связанных с положением тех или иных фактов в системе языка.

В современных диалектологических исследованиях требует своего учета и тот факт, что носители любых говоров пользуются в настоящее время в какой-то степени наряду с исконной диалектной системой также и системой, характерной для нормализованного типа языка. Одни и те же стороны диалектной системы в устах разных представителей говора обычно оказываются поколебленными в неодинаковой степени, хотя наряду с этим в говоре нередко можно проследить и некоторый общий результат трансформации того или иного звена диалектной системы в целом под влиянием нормализованного типа языка. Что же касается случаев прямого использования значительными слоями говорящих каких-либо фактов, относящихся к нормализованному типу языка, то эти факты приходится как бы выносить за скобки в современных диалектологических исследованиях, поскольку они существуют в любом говоре на современном этапе его развития. Таким образом, типы того или иного диалектного явления в современном русском языке не могут быть намечены на одной плоскости: мы должны выделить наиболее архаический вид явления наряду с теми его разновидностями, которые являются в большей или меньшей степени устойчивым результатом трансформации этого архаического типа. При этом важно учитывать, что подобные новые по происхождению разновидности явлений в ряде случаев не перестают быть различительными признаками диалектов русского языка. Это объясняется тем, что формирование данных разновидностей протекает при определяющем значении закономерностей развития, присущих тем или иным группам говоров.

Изучение различных типов какого-либо явления может преследовать цель создания классификации говоров по тому или иному различительному признаку или подготовку материала к сравнению для построения в дальнейшем выводов исторического характера. И в том, и в другом случае оценка разновидностей явления по степени отхода от архаического состояния является неизбежной, так как эти разновидности остаются территориально локализованными, а взятые в сравнительном плане, помогают воссоздать историю явления, во всяком случае, на протяжении его существования в данном языке.

Указанные принципы монографического изучения диалектных явлений—как при установлении типов тех или других явлений, так и при выяснении истории их развития—далеко не чужды и тем более ранним работам подобного характера, которые упоминались выше. Намеченные, например, Н. Н. Дурново типы яканья даны им с учетом важнейших системных отношений для этого звена вокализма южновеликорусских говоров и с учетом того, что эти типы являются неравноценными с исторической точки зрения. Понимание роли географического момента приводило, например,

И. Г. Голанова или Д. К. Зеленина к картографированию соответствующих явлений и к использованию фактов территориального распространения при построении выводов.

В настоящее время оказывается возможным установить определенную необходимую связь между этими различными видами исследования и в ряде случаев рассматривать их как последовательные этапы анализа материала, особенно при таком монографическом изучении, которое предполагает органическое сочетание описательного и исторического аспектов исследования.

2

Первоначальной ступенью обобщения современных данных об употреблении аффрикат в говорах русского языка неизбежно является описательная характеристика этого употребления, не включающая еще понимания тех связей, которые имеются между отдельными типами и видами этого употребления по говорам. На первом этапе изучения вне поля зрения остаются и те процессы, которые возникают при сосуществовании разных типов и видов употребления аффрикат.

При описательном подходе к материалу выясняется, что различия в употреблении аффрикат касаются прежде всего того, имеется ли в отдельных группах говоров различие двух аффрикат, регулярно употребляемых в определенных группах лексики, исторически имевших, с одной стороны, аффрикату *ч'*, с другой, аффрикату *ц* (из *ц'*), или в них представлена одна аффриката. В случае употребления одной аффрикаты существенно установить, имеет ли место: а) наличие единственной аффрикаты как в сфере лексики, имевшей этимологическое *ч'*, так и в сфере лексики, имевшей *ц*; б) наличие единственной аффрикаты только в соответствии одной из этимологических аффрикат, в то время как в соответствии другой выступает звук фрикативного образования. Редки, но имеются в пределах русского языка такие говоры, для которых характерно полное отсутствие аффрикат, замененных фрикативными звуками в архаическом типе говора.

Различение аффрикат в тех народных говорах, где оно является единственным и исконным типом употребления этих звуков¹, чаще всего бывает представлено различием *ч'* (мягкой шипящей аффрикаты) и *ц* (твердой свистящей). Однако в ряде русских народных говоров наблюдается различие двух твердых аффрикат, отличающихся только шипящим или свистящим характером. Существует, как это особенно определенно выяснилось при собирании материалов для атласа, также и такой вид различия, при котором в соответствии *ч'* употребляется *ц'*, а в соответствии *ц*—*ц* твердое, т. е. различие двух свистящих аффрикат, противопоставленных по наличию или отсутствию палатализации (*ц'ай*, *ц'исто*, *доц'ка*, *ноц'*, по *курица*, *конца*, *конец*).

Факт употребления в говорах одной аффрикаты сам по себе еще не является достаточным для суждения о типе употребления рассматриваемых звуков. Необходимо различать, как уже указано выше, так называемое доканье (результат совпадения аффрикат *ч'* и *ц*), с одной стороны, и употребление одной аффрикаты, возникшее в результате утраты затвора второй аффрикатой, изменившейся в связи с этим в соответствующий шипящий или свистящий звук, с другой.

При доканье или неразличении *ч'* и *ц* единственная аффриката употребляется во всей сфере лексики, где прежде были две аффрикаты. Этой

¹ Выше уже говорилось, что наличие почти во всех современных говорах различия *ч'* и *ц*, свойственного нормализованному типу языка, как бы выносятся нами при исследовании материала за скобки в тех случаях, когда наряду с этим различием имеется другой, диалектный тип употребления аффрикат.

единственной аффрикатой может быть мягкое *ц'* (мягкое цоканье — *ц'ай*, *ц'исто*, *доц'ка*, *ноц'*, как и *куриц'а*, *конц'а*, *конец'*), твердое *ц* (твердое цоканье — *цай*, *цисто*, *доцка*, *ноц*, как и *курица*, *конца*, *конец*) и *ч* — преимущественно мягкое (цоканье — *ч'ай*, *ч'исто*, *доч'ка*, *ноч'*, как и *курч'а*, *конч'а*, *конец'*).

В говорах, переживших утрату затвора одной из аффрикат, единственная аффриката употребляется только в той сфере лексики, где она была распространена этимологически, в то время как в сфере лексики, имевшей этимологически вторую аффрикату, находим звук, возникший в результате утраты затвора данной аффрикатой (ср.: *цена*, *цеп*, *курица*, *конца*, *конец*, но при этом *ш'ай*, *ш'исто*, *дош'ка*, *нош'* в одних говорах; *ч'ай*, *ч'исто*, *доч'ка*, *ноч'*, но при этом *куриса*, *конса*, *конес* — в других). Для говоров, переживших утрату затвора обеими аффрикатами, характерно отсутствие этого типа звуков вообще в традиционной системе консонантизма.

Перечисленные типы и виды употребления аффрикат (их различие и неразличие при употреблении одной аффрикаты или при отсутствии одной или обеих аффрикат вследствие утраты ими затвора) выделяются и выделялись в прошлом главным образом на основе сравнения показаний говоров и литературного языка с учетом наших представлений по истории этих звуков.

Однако непосредственное противопоставление говоров русского языка в зависимости от того, какой тип или вид употребления аффрикат они представляют, фактически оказывается невозможным, так как обычно мы сталкиваемся с сосуществованием по говорам нескольких типов или видов этого употребления. В связи с этим и приобретают особенно большое значение наблюдения над процессом общения, на основе которых можно сделать заключения о том, какую роль в системе консонантизма говоров и в развитии этой системы играют те или иные из сосуществующих типов и видов употребления аффрикат.

Немаловажную роль играет и изучение закономерностей территориального распространения интересующих нас явлений: смежными или перемежающимися на определенных территориях нередко оказываются генетически связанные между собой разновидности явления; архаические для той или иной группы говоров виды употребления аффрикат находим обычно на таких территориях, где было меньше собственно исторических предпосылок для нивелирующего воздействия нормализованного типа языка или для распространения вновь возникавших в ходе внутреннего развития новообразований. Наоборот, на территориях, население которых раньше попадало под нивелирующее воздействие нормализованного типа языка, нередко находим виды употребления аффрикат, почти полностью объясняемые в своем возникновении этим воздействием.

В связи со всем сказанным появляется возможность более глубоко и последовательно использовать при классификации русских народных говоров такой различительный признак, как употребление аффрикат; выявляется также и различная значимость тех или иных видов употребления аффрикат с исторической точки зрения.

3

Намеченные выше в пределах отдельных типов виды различения аффрикат оказываются неравноценными при решении вопросов, связанных с классификацией русских народных говоров. Различение *ч'* и *ц* характерно, кроме нормализованного типа языка, также и для определен-

ных значительных групп говоров, как образующих самостоятельные массивы, так и имеющих более разбросанное распространение¹.

Это прежде всего говоры таких территорий в пределах распространения русского языка в Европе, как значительная (западная) часть Костромской области, большая часть Ярославской и Московской, Ивановская область, ряд районов Смоленской и Калужской областей, большая часть Тульской, северная часть Горьковской области, наиболее восточные районы Курской и Орловской областей, восточные районы Брянской области, южные — Рязанской, территория Воронежской, Тамбовской, Пензенской областей.

Все эти говоры (см. прилагаемую схематическую карту) образуют сплошной массив, расположенный на территории центральных областей распространения русского языка в Европе, вытянутый в направлении с востока на юго-запад и юг, где этот массив расчленен на две неравные части включающейся в него территорией говоров с утратой затвора в аффрикатах.

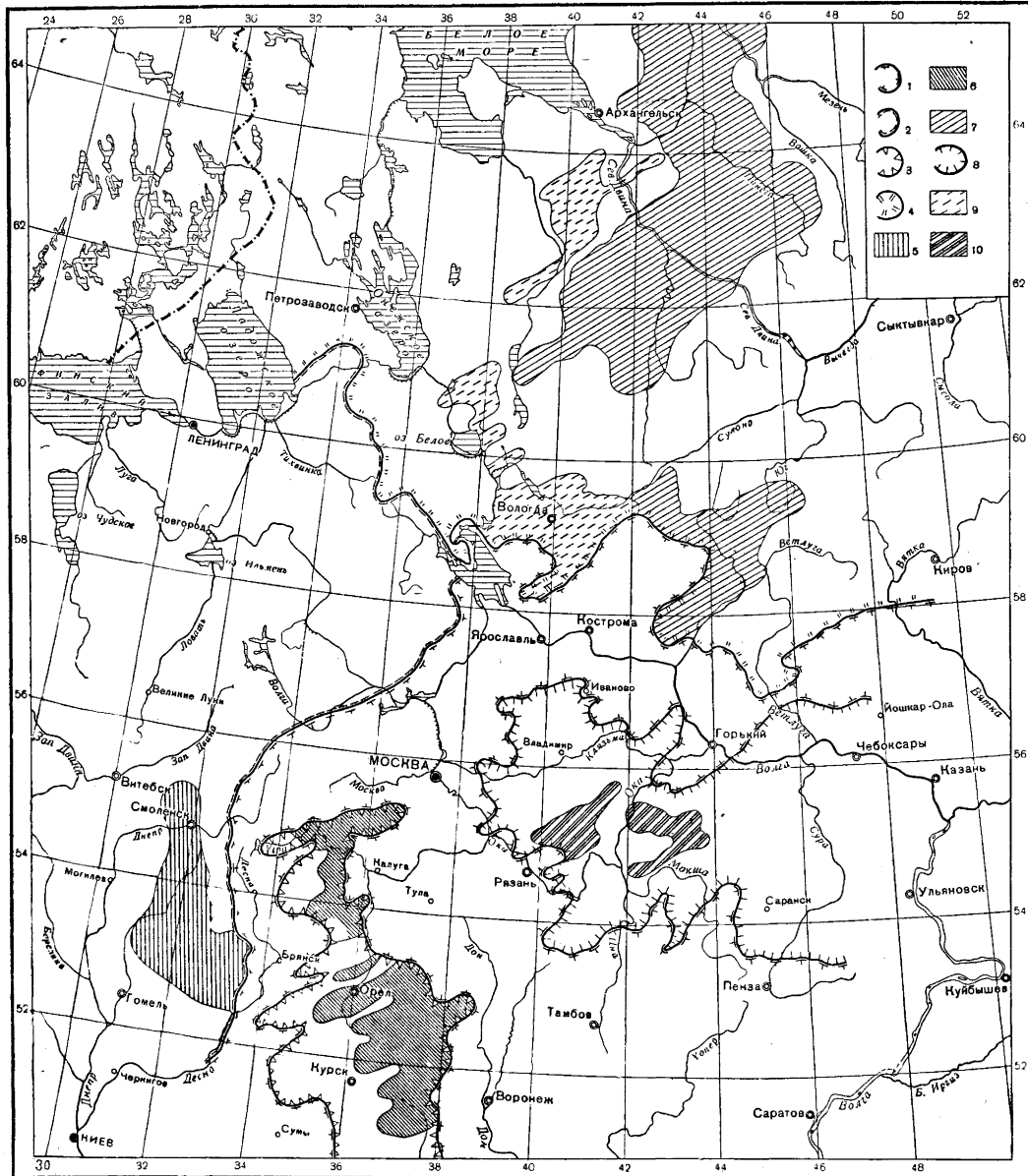
Кроме этого, говоры с несомненно исконным различием *ч'* и *ц*, не представляющие никаких следов цоканья в прошлом, находим на северо-востоке Европейской части СССР, где отдельные, хотя и значительные, острова подобных говоров вкраплены в общий массив цоканящих говоров, имеющих здесь резкое количественное преобладание. (Ср. на прилагаемой карте наличие таких островов нецоканящих говоров на территории Архангельской, Вологодской областей и Карело-Финской АССР, для которых в целом характерны цоканящие говоры.) Наличие чересполосицы нецоканящих и цоканящих говоров при резком преобладании последних на северо-востоке Европейской части СССР хорошо согласуется с историей заселения этого края: заселение с запада из пределов Новгородской земли приводило к появлению на северо-востоке носителей цоканья, заселение с юга, из северной половины Ростово-Суздальской Руси, — к появлению носителей различия *ч'* и *ц*.

На западных, точнее северо-западных, территориях Европейской части СССР также встречается немало говоров, для которых различие *ч'* и *ц* является единственным и, видимо, исконным типом употребления аффрикат. Но здесь распространение говоров с различием *ч'* и *ц* не характеризуется какой-либо определенностью. Эти говоры встречаются разбросанно между преобладающими на данной территории говорами с другими типами употребления аффрикат. Носители говоров с исконным различием аффрикат, вероятнее всего, появились на северо-западе Европейской части СССР в связи с разного рода переселениями, в частности, из центральных областей Руси, интенсивно осуществлявшимися еще с XVI в.

Тот вид различия аффрикат, при котором твердыми являются и шипящая и свистящая аффрикаты, т. е. различие *ч* и *ц* твердых, занимает различное положение в системах консонантизма отдельных говоров, а также имеет не одинаковое по своему характеру территориальное распространение, что, несомненно, может свидетельствовать и о неодинаковом генезисе различия твердых *ч* и *ц*.

Так, на северо-западе Европейской части СССР на территории б. Новгородской и Смоленской земель или таких современных областей, как Ленинградская, Псковская, Новгородская, Калининская, Великолукская, имеется немало говоров, представляющих сосуществование твердого

¹ Здесь и в дальнейшем изложении автор статьи опирается на данные и материалы, картографированные и изученные им при подготовке монографии на тему «История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров». См. автореферат докторской диссертации, опубликованный в Ил-том языкознания АН СССР (М., 1955).

1—Центральная группа говоров с различием *ч'* и *ц*. 4—Северо-восточные говоры. 7—Часть территории сев.-вост. говоров, на которой сохраняется наиболее непоколебленным мягкое доканье. 9—Часть территории сев.-вост. говоров, на которой имеют наибольшее распространение говоры с исконным различием *ч'* и *ц*. 2—Северо-западные и западные говоры. 5—Часть территории сев.-зап. говоров, на которой распространено различие твердых *ч* и *ц*, развившееся на основе различия *ч'* и *ц*. 8—Юг-восточные говоры. 10—Часть территории юго-вост. говоров, на которой сохраняется наиболее непоколебленным твердое доканье. 3—Юго-западные говоры. 6—Часть территории юго-зап. говоров, на которой имеют наибольшее распространение говоры, представляющие утрату затвора обесими аффрикатами.

цоканья и различия ч и ц твердых. Заметим попутно, что степень сохранения твердого цоканья может быть при этом различной и чаще незначительной (иногда следы твердого цоканья могут выступать лишь при произношении причастных форм типа *ушоццы*). Отметим также, что и степень палатализации ч в подобных говорах может быть не одинаковой иногда даже в устах одного говорящего. Порою несколько смягченное ч в подобных говорах приближается по звучанию к мягкому ч, характерному для нормализованного типа языка.

В некоторых говорах северо-запада различие твердых ч и ц является единственным видом употребления аффрикат, поскольку следов твердого цоканья как такового в них не сохранилось, хотя различные ступени палатализации и тем самым ступени перехода к различению ч' и ц в этих говорах наличествуют. При этом подобные говоры не имеют самостоятельной территории распространения: они находятся в непосредственном соседстве с говорами, в той или иной степени сохраняющими твердое цоканье. По этим и некоторым другим (дополнительным) соображениям можно считать, что различие твердых ч и ц, видимо, является в говорах с твердым цоканьем в большинстве случаев определенным этапом перехода к употреблению ч' и ц.

Иными путями развивалось различие твердых ч и ц в юго-западных говорах русского языка, расположенных, например, на территории наиболее западных районов Смоленской и Брянской областей. Здесь данное явление имеет определенную изоглоссу своего распространения в говорах, не представляющих, в отличие от северо-западных, никаких следов былого неразличения аффрикат. Отверждение ч в этих говорах связано с тем общим фонетическим процессом отверждения обеих аффрикат, характерным также и для белорусского языка, который наметился в юго-западных языковых группах довольно рано и отражен по памятникам с XV в.¹ Для говоров, представляющих различие твердых ч и ц вне связи с явлениями, указывающими на цоканье в прошлом, не характерно то интенсивное развитие процессов известной (вначале неполной) палатализации ч, о которых говорилось выше; они сохраняют различие твердых ч и ц гораздо более последовательно.

В связи со всем сказанным при классификации говоров по употреблению аффрикат разное значение имеют такие два вида различия твердых ч и ц, один из которых выступает в говорах в качестве переходного звена при отходе от твердого цоканья, а другой является устойчивым звеном фонетических систем. Внешне тождественные виды употребления аффрикат, исторически сложившиеся разными путями и занимающие разное положение в системах соответствующих говоров, оказываются также в разной степени устойчивыми при переходе к различению ч' и ц.

Отдельные указания на то, что в русских народных говорах существует различие ч' и ц, при котором мягкая свистящая аффриката употребляется в соответствии ч', а твердая — в соответствии ц нормализованного типа языка (*ц'ай, ц'исто, доц'ка, ноц', но курица, конца, конец*), встречались и ранее в нашей диалектологической литературе². Но полную уверенность в том, что подобное различие существует как хотя бы относительно устойчивый факт фонетических систем ряда говоров, и понимание тех условий, в которых оно может быть представлено, дали

¹ См. Н. Дурново, Очерк истории русского языка, М.—Л., 1924, стр. 179.

² Ср., например: Н. Н. Соколов, Отчет о поездке в Меленковский и Судогодский уезды Владимирской губ. летом 1907 г., «Труды Моск. диалектол. комиссии», вып. 1, Варшава, 1908; Д. В. Бубрих, Фонетические особенности говора с. Пуштошей, ИОРЯС, т. XVIII (1913), кн. 4, 1914.

нам лишь материалы, собранные при подготовке диалектологических атласов русского языка. Эти материалы показали прежде всего, что во многих случаях подобное различие существует наряду с твердым цоканьем как основным типом употребления аффрикат, характерным обычно для носителей более архаического типа говора. Так, подобное различие отмечают в упоминавшихся цокающих говорах северо-запада, особенно в тех из них, в которых твердое цоканье последовательно сохранялось, видимо, до самого недавнего времени. Напомним, что в говорах, где твердое цоканье представлено реликтовое, переходным к различению ч' и ц чаще является употребление ч и ц твердых.

В сосуществовании с твердым цоканьем подобное различие отмечают и в цокающих говорах востока и юго-востока Европейской части СССР, т. е. на территории таких областей, как Владимирская, Горьковская, Рязанская, а также в небольшой степени и таких, как Московская, Ивановская, Ярославская, где говоры с хорошо сохранившимся твердым цоканьем встречаются чаще и где переход к различению ч' и ц через употребление ч и ц твердых вообще отмечают редко. Важно также заметить, что наряду с ц' в соответствии ч' в подобных говорах фиксируют также и аффрикаты, являющиеся как бы промежуточными по своему характеру между свистящими и шипящими звуками и передаваемые обычно наблюдателями как ц'', ц'ч' или ч'ч'.

Таким образом, при наличии твердого цоканья в подобных говорах в соответствии ч' наряду с твердым ц отмечают ц', ц'', ц'ч', ч'ч', в то время как в соответствии ц в них находим только ц твердое. Поскольку подобное употребление аффрикат обычно существует в говорах, наиболее долго сохранявших твердое цоканье, появление ряда смягченных звуков в соответствии только ч', притом отмечаемое обычно в речи тех носителей говора, которые в наибольшей степени испытали влияние нормализованного типа языка, следует связывать с непосредственными попытками произношения мягкой шипящей аффрикаты, наличие которой также отмечают в ряде случаев в подобных говорах. О том же свидетельствуют и некоторые ранее опубликованные сообщения по говорам тех мест, где сейчас распространено различие ц' (ц'', ц'ч', ч'ч') и ц.

Так, например, А. А. Шахматов при описании говора дер. Лека Егорьевского уезда Рязанской губернии отметил начальную ступень перехода от твердого цоканья — как традиционного типа употребления аффрикат в этом говоре — к различению аффрикат в виде произношения ц' на месте ч'; эта ступень представлена «в говоре лиц, подражающих произношению городскому»¹.

Таким образом, возникновение различия ц' и ц, очевидно, относится к позднему периоду, когда отход от твердого цоканья совершался под более непосредственным влиянием нормализованного типа языка. Говоры, в которых в качестве переходного типа употребления аффрикат устанавливалось различие твердых ч и ц, видимо, совершали этот отход в другое, более раннее время, как об этом свидетельствует и тот факт, что твердое цоканье в подобных говорах является более поколебленным и нередко почти исчезнувшим.

Реже встречаются говоры, в которых различие ц' и ц отмечают при отсутствии твердого цоканья и где этот переходный вид употребления аффрикат является как бы стабилизовавшимся. Говоры, знающие это явление, не имеют самостоятельной территории распространения, они представляют собой вкрапления между говорами, сочетающими подобное раз-

¹ А. А. Шахматов, Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии, ИОРЯС, т. XVIII (1913), кн. 4, 1914, стр. 208.

личение с твердым цоканьем. Переходный и временный характер различия *ц'* и *ц* в говорах рассматриваемого типа доказывается и рядом свидетельств наблюдателей, показывающих, как наряду с этим различием *ц* на его основе в конечном счете устанавливается различие *ч'* и *ч*.

4

При наличии одной аффрикаты в говорах, не различающих *ч'* и *ц*, существенно, какая именно аффриката выступает при неразличении.

Мягкое цоканье, при котором во всей сфере лексики, имевшей исторически в своем составе как *ц'*, так и *ч'*, употребляется палатальное *ц'*, распространено в настоящее время в говорах северо-востока Европейской части СССР, находящихся на территории Архангельской и Вологодской областей и Карело-Финской АССР, а также частично на территории ряда районов смежных областей: Костромской, Ярославской и некоторых других (см. карту).

Наиболее непоколебленным употреблением одной мягкой свистящей аффрикаты (хотя бы и в речи определенных слоев говорящих — носителей традиционного типа говоров) представлено в глубинных районах Архангельской области, а также на территории Тотемского и Никольского районов Вологодской области и примыкающих к ним некоторых северных районов Костромской области. У наиболее типичных представителей говора мягкое цоканье выступает здесь в любой, в том числе и в недавно проникшей лексике независимо от того, в каких элементах морфологической структуры слова это *ц'* находится.

Наряду с тем, что в значительном количестве говоров северо-востока мягкое цоканье является единственным диалектным типом употребления аффрикат, в еще большем количестве говоров оно выступает как обязательный компонент фонетической системы того или иного говора в сосуществовании с другими диалектными типами этого употребления, а именно — с твердым цоканьем или чоканьем.

При этом необходимо подчеркнуть, что обратного положения не наблюдается: твердое цоканье и чоканье чрезвычайно редко встречаются на северо-восточной территории в качестве единственных диалектных типов употребления аффрикат, а те сравнительно немногочисленные говоры, где это имеет место, расположены на данной территории весьма разбросанно, в связи с чем соответствующие явления не имеют на северо-востоке определенной изоглоссы.

Особенно важны и интересны данные о характере распространения и о положении в фонетических системах отдельных говоров такого вида употребления аффрикат, как *ч'оканье* (*ч'асто*, *ч'исто*, *ч'удо*, *плеч'о*, *ноч'*, *доч'ка*; *улич'а*, *кол'ч'о*, *улич'у*, *ч'елый*, *отеч'*), по отношению к которому нередко исходили, а в ряде случаев исходят и до самого последнего времени из представления о том, что оно является разновидностью цоканья, которая и с генетической точки зрения, и по положению в системах современных говоров вполне тождественна другим его разновидностям и, в частности, мягкому цоканью¹.

При рассмотрении данного вопроса следует прежде всего учесть характер территориального распространения чоканья. Этот вид употребления аффрикат, чаще всего встречающийся по говорам в сосуществовании с мягким, иногда также и твердым цоканьем и лишь изредка являющийся единственным диалектным типом употребления аффрикат, обычно находим

¹ См., например, П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, 2-е изд., М., 1954, стр. 142.

в говорах, носители которых сравнительно давно, иногда уже с конца XIX в., имели связи с городами (отхожие промыслы, работа на фабриках, заводах и т. п.). Наблюдатели нередко указывают на распространение чоканья именно в говорах, где представлено достаточно определенно выраженное расслоение говорящих, и в речи тех лиц, которые в наибольшей мере испытали на себе влияние городского языка. В «Опыте диалектологической карты» сделано даже известное обобщение таких, действительно неоднократно повторявшихся в разного рода сообщениях указаний: при описании говоров вологодско-вятской группы говорится, что «в части говоров мужчины произносят ч, а женщины — ц мягкое или средний звук между ц мягким и ч мягким» (см. стр. 15).

Необходимо также отметить, что в огромном количестве случаев наблюдатели специально подчеркивают как бы второстепенный характер чоканья по его положению в системе языка. Говорящие преимущественно произносят мягкую свистящую аффрикату ц', но в речи тех представителей говора, которые испытывали на себе влияние языка нормализованного типа, отмечается наличие факультативных случаев употребления мягкой аффрикаты ч', нередко в соответствии не только ч', но и в соответствии ц. Особенно много таких указаний в материалах, относящихся к первой четверти XX в.

Имеет определенное значение и тот факт, что в говорах, устойчиво сохранявших мягкое цоканье до последнего времени, современные наблюдатели, также отмечая употребление аффрикаты ч', с усвоения которой начинается отход от мягкого цоканья, не фиксируют случаев чоканья: в подобных говорах вновь усваиваемая аффриката употребляется только в соответствии ч', т. е. «правильно» с точки зрения литературной нормы. Это обстоятельство должно найти свое объяснение в том, что овладение нормализованным типом языка основывается в настоящее время на систематическом и широком восприятии его устной формы.

Таким образом, возникновение чоканья в говорах с мягким цоканьем вероятнее всего имело место на начальных этапах влияния нормализованного типа языка, в ряде говоров сказывавшегося еще и в дореволюционное время, но не являвшегося тогда по большей части систематическим и непосредственным.

Вновь возникавший в говорах с мягким цоканьем вид употребления аффрикат — чоканье, по существу знаменующий собой в определенные эпохи существования говоров переход к различению ч' и ц, мог до известной степени стабилизироваться, что и наблюдается в ряде случаев. В небольшом количестве говоров, не образующих сколько-нибудь определенного массива на той или иной территории, наблюдается редко встречающийся путь развития в направлении к полному вытеснению мягкого цоканья чоканьем.

Стабилизация чоканья могла, видимо, оказаться возможной лишь там, где в силу тех или иных исторически складывавшихся условий влияние общенародной формы языка временно ослабевало, в то время как для основной массы говоров оно оставалось непрекращающимся и приводило в конце концов не только к полному овладению произношением аффрикаты ч', но и к упорядоченному употреблению этой аффрикаты. После того как в говорах с мягким цоканьем налаживается употребление твердого ц, что всегда является здесь сравнительно поздним процессом, в них уже вполне определяется переход к различению двух аффрикат.

Т в е р д о е ц о к а н ь е, при котором одна твердая свистящая аффриката употребляется в словах, этимологически имевших как ч', так и ц (*цасто, цисто, цудо, плцо, ноц, доцка, улица, кол'цо, улицу, целый, отец*), является характерным для северо-западных областей (о составе данной

территории см. выше); в одних из этих говоров оно встречается в качестве единственного диалектного типа употребления аффрикат (что реже), в других — в сочетании с различием твердых *ч* и *ц* или с переходным различием *ч'* и *ц*. Выше была показана генетическая связь этих видов различения аффрикат с твердым цоканьем, что важно учитывать при определении территории распространения твердого цоканья в прошлом на северо-западе.

Твердое цоканье характерно и для цокających говоров юго-восточных областей Европейской части СССР (о составе этой территории см. выше), где этот вид цоканья чаще сочетается с различием *ч'* и *ц* в качестве переходного вида употребления аффрикат.

Как на северо-западных, так и на юго-восточных территориях твердое цоканье сохраняется наиболее непоколебленным в тех говорах, которые дольше находились вне влияния нормализованного типа языка. На северо-западе это — ряд говоров Псковской области, наиболее западных районов Ленинградской и Новгородской областей, а также северо-западных районов Калининской области. На юго-востоке это — говоры Гусь-Хрустального и Курловского районов Владимирской области и Спас-Клепиковского, Тумского, Бельковского районов Рязанской области, т. е. говоры так называемой Мещеры — края, на протяжении долгого времени оторванного от городских центров и находившегося вне сферы влияния нормализованного типа языка.

Несомненно, что в прошлом территория распространения твердого цоканья на северо-западе и юго-востоке была значительно шире той, на которой мы находим в настоящее время сохранение данного вида употребления аффрикат в непоколебленном виде. В состав территории сплошного распространения твердого цоканья следует включать при изучении истории явления также и говоры тех областей, где в настоящее время распространены переходные виды употребления аффрикат (различение твердых *ч* и *ц* и различие *ч'* и *ц*) независимо от того, сочетаются ли эти переходные виды с твердым цоканьем как таковым.

Поскольку исторически, в свою очередь, употребление одной твердой свистящей аффрикаты сменило употребление одной мягкой свистящей аффрикаты, становится ясным, что говоры северо-запада имели в прошлом мягкое цоканье. Таким образом, говоры северо-запада и юго-востока вместе взятые отличаются от говоров северо-востока лишь тем, что такое новообразование, как отверждение *ч'*, было ими пережито раньше и раньше получило широкое распространение. Между тем и на северо-востоке также действовала и действует в ряде говоров тенденция к отверждению *ч'*, что сказывается в сосуществовании твердого и мягкого цоканья, причем характерно, что говоры с твердым цоканьем в качестве единственного диалектного типа употребления аффрикат не имеют здесь достаточно определенной территории своего распространения. В новгородских же (т. е. северо-западных) говорах твердое цоканье было широко распространено, видимо, еще до того, как здесь, начиная, может быть, уже с конца XVI — начала XVII в., стало развиваться сперва различие твердых *ч* и *ц*, а затем и различие *ч'* — *ц*. Об этом достаточно убедительно свидетельствует современное широкое распространение различия твердых *ч* — *ц* в этих говорах, многие из которых не сохраняют при этом твердого цоканья как такового.

Различия между северо-западными и северо-восточными говорами в отношении такого процесса, как отверждение *ч'*, вполне объяснимы. Интенсивное распространение местных языковых новообразований вообще более характерно, как и интенсивная нивелировка диалектных особенностей, для центральных говоров северо-запада (говоры центральных областей б. Новгородской земли), чем для говоров северо-востока, нахо-

дящихся на территориях, заселение которых происходило позднее. Здесь при гораздо меньшей плотности населения, при менее интенсивных взаимоотношениях между жителями различных населенных пунктов, при большей изолированности в относительно недавнем прошлом от значительных промышленных центров изменения в языковом строе говоров протекали медленнее. Ср., кроме твердого цоканья, более интенсивное распространение такого новообразования, как $t > u$ и именно в северо-западных говорах по сравнению с северо-восточными. Ср. и успешную нивелировку таких диалектных особенностей, как, например, $e < a$ между мягкими согласными или произношение губно-губного v в новгородских говорах по сравнению с архангельскими, вологодскими и другими северо-восточными, в которых произношение e в соответствии a между мягкими согласными или произношение губно-губного v до сих пор является гораздо более распространенным.

5

Проведенный анализ данных позволяет прийти к выводу о том, что для классификации говоров по признаку употребления аффрикат оказывается необходимым в ряде случаев установить типичные сочетания различных видов этого употребления с учетом того, какой из данных видов наиболее связан с традиционной системой говора и какой сложился на основе развития этой системы.

Так, мы видим, что только различие $ч'$ и $ц$ из числа других видов различения может считаться действительно характерным признаком определенных групп говоров и может служить для их противопоставления говорам, представляющим неразличение аффрикат в виде мягкого или твердого цоканья, или говорам, пережившим утрату затвора в аффрикатах. Что же касается различия твердых $ч$ и $ц$, то это последнее выступает в ряде говоров как переходный и тем самым временный вид употребления аффрикат, внутренне связанный в системах ряда говоров с твердым цоканьем, которому оно постоянно и сопутствует. Впрочем, выше мы указывали, что в других говорах различие твердых $ч$ и $ц$ непосредственно сменило различие $ч'$ и $ц$ и что подобные говоры отличаются по данному признаку от тех, в которых различие твердых $ч$ и $ц$ связано с отходом от твердого цоканья. С твердым же цоканьем в ряде других говоров связано различие $ц'$ — $ц$, также представляющее переход к различению $ч'$ и $ц$, но совершающийся в другие эпохи.

В свою очередь, такой вид неразличения аффрикат, как цоканье, также не может считаться сам по себе характерным для каких-то групп говоров в отличие от других, поскольку цоканье находится в системах ряда говоров в тех же отношениях к мягкому цоканью, как в других группах говоров различие $ч$ и $ц$ твердых или различие $ц'$ и $ц$ — к твердому цоканью при их сосуществовании. После обобщения данных по говорам, представляющим сходное употребление аффрикат, мы можем дать более исчерпывающий ответ на вопрос о том, какие же виды употребления аффрикат или сочетания этих видов действительно являются различительными признаками русских народных говоров.

Говоры русского языка могут быть противопоставлены друг другу по употреблению аффрикат в следующих случаях.

1. Говоры с различием $ч'$ и $ц$ при наличии данных о том, что это различие является исконным для говора, а не установившимся в результате отхода от былого неразличения.

2. Говоры с различием твердых $ч$ и $ц$ при наличии данных о том, что оно развилось на основе различия $ч'$ и $ц$ после отвердения $ч$.

3. Говоры с мягким цоканьем в традиционном слое говора, представляющие иногда одновременно твердое цоканье, как новообразование, являющееся результатом отвердения *ч'*, или цоканье как новообразование, возникшее после усвоения аффрикаты *ч'*, употребляемой безразлично как в соответствии *ч'*, так и в соответствии *ц*.

4. Говоры с твердым цоканьем в традиционном слое говоров, а также говоры с твердым цоканьем в качестве реликтового явления (например, отражение былого цоканья при произношении причастий типа *пришоуцы*, *ушоуцы*) в сочетании с различием твердых *ч* и *ц*. К данной группе должны быть отнесены говоры с различием твердых *ч* и *ц*, если по тем или иным косвенным данным, например по характеру территориального распространения, можно установить наличие в говоре твердого цоканья в прошлом.

5. Говоры с твердым цоканьем, также представленным в той или иной степени, в сочетании с употреблением мягкой свистящей аффрикаты или нескольких аффрикат такого типа в соответствии этимологическому *ч'*. К этой группе должны быть отнесены и говоры с различием *ц'* и *ц* при отсутствии твердого цоканья как такового, если по тем или иным данным для них можно предполагать твердое цоканье в прошлом.

6

Разные виды различения аффрикат, как и виды их неразличения (цоканья), оказываются, таким образом, по говорам нередко взаимосвязанными и представляют в ряде случаев разные этапы развития данного звена системы консонантизма в том или ином говоре или группе сходных говоров. Более самостоятельным и независимым по положению в системах консонантизма оказывается тип употребления аффрикат, связанный в своем возникновении с утратой затвора одной из аффрикат.

Существенная роль данного явления для классификации русских народных говоров и истории соответствующих систем консонантизма долгое время оставалась невыявленной в связи с тем, что необходимый материал, дающий исчерпывающее представление о закономерностях явления и о характере его территориального распространения, оставался неизвестным в полной мере. Соответствующие сведения оказались в нашем распоряжении лишь по мере изучения русских народных говоров в процессе подготовки диалектологических атласов русского языка.

В настоящее время известно, что в пределах южновеликорусского наречия, для большинства говоров которого, как уже говорилось выше, характерно различие *ч'* и *ц*, выделяются говоры, имеющие определенную территорию своего распространения и характеризующиеся широким употреблением фрикативных звуков (*ш'* и *с*) в соответствии *ч'* и *ц*. Это говоры Курской и Орловской областей, за исключением их наиболее восточных районов, и примыкающие к курским и орловским говорам юго-восточных районов Брянской и восточных районов Смоленской областей, западных районов Калужской области. Значительные группы говоров, знающих утрату затвора аффрикатами, в виде отдельных оторванных от основного массива островов имеются и в Тульской области.

Для большинства говоров указанных территорий характерно отсутствие аффрикаты *ч'*, в соответствии которой произносится *ш'* (*ш'ай*, *ш'исто*, *ш'удо*, *нош'ка*, *пш'олы*, *пеш'*, но при этом *цена*, *цеп*, *огурцы*, *конец*, *курица*). В ряде подобных говоров, как об этом свидетельствуют весьма многочисленные сообщения, у определенных слоев говорящих употребление *ш'* в соответствии *ч'* является настолько последовательным,

что можно говорить о наличии у них одной аффрикаты *ц*, употребляемой в той сфере лексики, где эта аффриката имела исторически и где она представлена в нормализованном типе языка, о полном отсутствии аффрикаты *ч'* и о наличии в ряду шипящих согласных мягкого недолгого звука *ш'*, неизвестного нормализованному типу языка.

Отмечены на данной территории также говоры, в которых вообще отсутствуют аффрикаты, где в соответствии *ч'* последовательно произносится *ш'*, а в соответствии *ц* — *с* (*ш'ай, ш'исто, ш'удо, нош'ка, пш'олы, пеш'*, а также *сар', сариса, сенá, сеп, огурсы, конес, куриса*)¹. Нередко в подобных говорах отмечают последовательное употребление *ш'* в соответствии *ч'* при более факультативном употреблении *с* в соответствии *ц*, имеющее место, как правило, в конце слова (например, *цена, цеп, царь, но огурцы и огурсы, конец и конес, курица и куриса*).

Известны на описываемой территории также и говоры, в которых при последовательном употреблении аффрикаты *ч'* представлены отдельные случаи употребления *с* в соответствии *ц*. Однако в подобных говорах не отмечают, как правило, широкого распространения данного явления, оно встречается лишь в отдельных словах, в конечных слогах слов при наличии возможности употребления *ц* в тех же случаях (т. е. *огурсы, отес* наряду с *огурцы, отец* и т. п.). Напомним, что в говорах, представляющих утрату затвора одной аффрикатой *ч'*, вызванное этой утратой употребление *ш'* может быть, как это уже указывалось выше, весьма последовательным, представленным в любой лексике во всех возможных для аффрикаты *ч'* положениях — перед гласными, в сочетаниях с согласными и на конце слова.

Что же касается говоров, представляющих отдельные случаи употребления *с* в соответствии *ц*, то следует сказать, что подобные говоры, единичные на выделенной нами юго-западной территории, известны в столь же разбросанном распространении и за ее пределами. Они встречаются преимущественно на территории южновеликорусского наречия безотносительно к его внутреннему членению, в связи с чем утрата затвора аффрикатой *ц* и не может быть отнесена к числу признаков, характерных для более узких диалектных групп. В связи со сказанным можно предположить, что широта употребления *с* в соответствии *ц* в говорах, где известно и *ш'* вместо *ч'*, объясняется именно сосуществованием этих двух явлений.

Таким образом, наиболее важным отличительным признаком определенной (в основном, курско-орловской) группы говоров южновеликорусского наречия является широкое употребление *ш'* в соответствии *ч'*, так как единичные говоры за пределами описываемой территории, представляющие эту же черту, обычно не имеют ее в качестве собственно фонетического явления. В указанных говорах она выступает обычно факультативно и притом в отдельных словах. Существенным при характеристике употребления аффрикат в этой группе говоров является и то обстоятельство, сочетается ли в данном говоре употребление *ш'* также и с употреблением *с* в соответствии *ц* (выше говорилось, что в подобном сочетании употребление *с* также становится более последовательным). Говоры, представляющие результаты утраты затвора обоими аффрикатами, имеют известную территориальную локализацию; они преимущественно встречаются в восточной половине территории, на которой распространено употребление *ш'* в соответствии *ч'* (см. карту).

¹ В настоящее время мы располагаем целым рядом сообщений, построенных на обширном материале, убеждающих нас в том, что данные явления (употребление *ш'* и *с* в соответствии *ч'* и *ц*) имеют подлинно фонетический характер и могут считаться типичными для определенных систем консонантизма.

К числу намеченных выше пяти групп говоров русского языка по характеру употребления аффрикат может быть, таким образом, присоединена шестая группа. В нее должны быть включены говоры с характерным для них широким употреблением *ш'* в соответствии с *ч'* с учетом того, сопутствует ли также этому употреблению в той или иной степени представленное употребление *с* в соответствии с *ц* или случаи такого употребления отсутствуют.

7

Выше мы видели, что употребление аффрикат может быть использовано в качестве различительного признака русских народных говоров в ряде случаев лишь при том условии, если мы будем учитывать возможные наиболее часто повторяющиеся сочетания разных видов этого употребления по говорам. Наличие таких сочетаний объясняется особенностями современного развития говоров. Состояние разных сторон системы консонантизма говоров является в настоящее время чаще всего результатом, с одной стороны, различных процессов, определяющихся внутренними законами развития (ср. смену мягкого цоканья твердым в результате отвердения аффрикаты *ц* или смену различения *ч'* и *ц* различием твердых *ч* и *ц*). С другой стороны, некоторые звенья системы представляют в ряде случаев то или иное состояние в результате влияния со стороны нормализованного типа языка. Выше мы уже указывали, что процессы, возникающие под этим влиянием, не сводятся к простому замещению одних явлений другими; нередко они приводят к оформлению своеобразных структурных элементов, складывающихся на основе определенных закономерностей говора, испытывающего на себе влияние (ср. сказанное выше о становлении цоканья при отходе говорящих от мягкого цоканья и о возникновении различения *ч'* и *ц* при отходе от твердого цоканья).

В результате действия двух охарактеризованных факторов, с разной степенью интенсивности сказывающихся на речи разных слоев говорящих в пределах одного и того же говора, и складываются те или иные сочетания видов употребления аффрикат, наличие которых по говорам показано выше.

Подобные сочетания, взятые в целом, являются различительными признаками определенных групп говоров, причем между видами употребления, входящими в то или иное сочетание, всегда имеются те или иные связи, на основе изучения которых удастся сделать вывод о наиболее архаических видах употребления аффрикат и о тех видах, которые сложились в результате действия более поздних процессов развития. Это позволяет прийти к пониманию исторического развития явления.

Наличие подобного исторического подхода в тех случаях, когда мы занимаемся выявлением различительных признаков отдельных групп говоров и, казалось бы, могли ограничиться чисто описательным подходом к материалу, является плодотворным, так как без учета процессов, имевших место на протяжении периода самостоятельного существования языка, мы не смогли бы в ряде случаев выделить достоверные признаки, необходимые при классификации говоров русского языка.